

Язык вражды в миграционном дискурсе как вызов государственной политике по сохранению и укреплению традиционных ценностей

Hate speech in migration discourse as a challenge to state policy on the preservation and promotion of traditional values

DOI: 10.12737/2587-6295-2026-10-1-74-83

УДК 32.019.51

Получено: 22.01.2026

Одобрено: 24.02.2026

Опубликовано: 25.03.2026

Савина О.В.

Научный сотрудник сектора миграционных исследований Центра центральноазиатских исследований, ФГАУН «Институт Китая и современной Азии Российской академии наук», г. Москва

e-mail: savina.pro@mail.ru

Savina O.V.

Research Fellow, Migration Studies Sector, Center for Central Asian Studies, Institute of China and Contemporary Asia Russian Academy of Sciences, Moscow

e-mail: savina.pro@mail.ru

Аннотация

Целью статьи является изучение противоречий между нормативно-правовым регулированием языка вражды в Российской Федерации и провозглашенными ориентирами государственной политики по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей. *Методологической основой* исследования выступает нормативно-институциональный подход, ориентированный на анализ соотношения правовых норм и ценностных оснований государственной политики. Реализация данного подхода осуществлена посредством метода политико-правового анализа, включающего правовую и политическую компоненты. В качестве вспомогательных методов применены дискурс-анализ и качественный контент-анализ эмпирических кейсов публичной риторики 2022–2025 гг. *Установлено*, что российская правовая система не содержит четкой дефиниции языка вражды, а существующие нормы страдают избыточной обобщенностью, что создает риски избирательного правоприменения. Проанализированные кейсы использования агрессивной риторики в адрес мигрантов свидетельствуют о том, что язык вражды не только продолжает функционировать в публичном пространстве, но и подрывает ценностную основу, на которую ориентирована современная государственная политика. *Теоретическая значимость* статьи заключается в выявлении концептуального разрыва между нормативной конструкцией и речевой практикой. *Практическая значимость* – в обозначении направлений для уточнения законодательства и повышения эффективности политики, ориентированной на ценностную консолидацию общества.

Ключевые слова: язык вражды, политический дискурс, традиционные ценности, правовое регулирование, миграция, государственная политика.

Abstract

This article aims to analyze the contradictions between the legal regulation of hate speech in the Russian Federation and the officially declared goals of state policy aimed at preserving traditional spiritual and moral values. The methodological foundation of the study is the normative-institutional approach, focused on analyzing the relationship between legal norms and the value-based foundations of state policy. This approach is implemented through the method of politico-legal analysis, which incorporates both legal and political components. Supplementary methods include discourse analysis and qualitative content analysis of empirical cases drawn from public rhetoric between 2022 and 2025. The study finds that the Russian legal framework lacks a clear definition of hate speech, while existing norms are overly broad, creating risks of selective enforcement. The analyzed cases of aggressive rhetoric targeting migrants indicate that hate speech not only remains active in the public sphere, but also undermines the value foundations that contemporary state policy seeks to reinforce. The theoretical significance of the article lies in identifying a conceptual gap between normative frameworks and actual discursive practices. The practical relevance consists in outlining directions for improving legislation and enhancing the effectiveness of value-oriented public policy. **Keywords:** hate speech, political discourse, traditional values, legal regulation, migration, public policy.

Введение

Язык вражды как риторическая практика и объект правового регулирования остается одной из наиболее дискуссионных тем в современном политическом пространстве. Актуальность исследования обусловлена тем, что при наличии формальных запретов на разжигание ненависти, язык вражды продолжает функционировать в публичной сфере – особенно в медийных и политических высказываниях, связанных с темой миграции. Подобная риторика формирует устойчивые стереотипы, усиливает социальную поляризацию и противоречит официальной государственной политике, ориентированной на укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей.

Цель настоящей работы – проанализировать противоречие между нормативно-правовым регулированием языка вражды и реальными практиками его использования, а также показать, каким образом он может подрывать стратегические установки государственной ценностной политики.

Гипотеза исследования заключается в том, что действующая модель политико-правового регулирования языка вражды в Российской Федерации характеризуется нормативной неопределенностью и не обеспечивает согласованности между провозглашенными духовно-нравственными ценностями и реальными практиками публичного дискурса, прежде всего в сфере миграции.

В статье используется понятие «язык вражды» (hate speech), под которым понимаются публичные высказывания, направленные на унижение достоинства, возбуждение вражды или насилия в отношении социальной, этнической или иной группы. Понятие «ценности» трактуется как совокупность духовно-нравственных ориентиров, перечисленных в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Также используется термин «правовая неопределенность», означающий отсутствие четких юридических критериев, затрудняющее правоприменение в сфере противодействия языку вражды.

Обзор научной литературы

Язык вражды на протяжении последних двух десятилетий является предметом устойчивого научного интереса в сфере политических коммуникаций, прав человека, социологии и лингвистики. В российском исследовательском поле он изучается как риторическая практика, направленная на символическое отчуждение, делегитимацию и агрессивную маркировку социальных или политических групп. Начало академического

анализа языка вражды в России было положено работами И.М. Дзялошинского, который исследовал феномен в рамках медиакоммуникаций, связывая его распространение с трансформацией медиаполя и снижением стандартов публичной речи [3]. Параллельно с этим А.М. Верховский акцентировал внимание на нормативных аспектах языка вражды, рассматривая его в контексте религиозной нетерпимости, ксенофобии и правоприменительной практики, связанной с законодательством об экстремизме [1; 12].

В последние годы научная литература демонстрирует усиливающееся внимание к изучению языка вражды в социальных сетях. В политологической перспективе он рассматривается как инструмент аффективной мобилизации и фактор усиления социальной поляризации. Так, И.Ю. Кручинская связывает распространение языка вражды с ростом аффективной напряженности между политическими группами и снижением уровня диалога в публичной сфере [7, с. 101]. А.С. Стародубцев анализирует использование языка вражды в социальных сетях в условиях политического конфликта, показывая, как такие высказывания трансформируются в инструмент политической мобилизации и формирования образа врага [9, с. 81]. Эти выводы применимы и к внутренним дискурсам, где язык вражды выполняет схожие функции делегитимации оппонентов и размывания ценностного консенсуса. В социологических исследованиях, например, работе Е.М. Феклиной и Н.В. Шелякиной, акцент делается на разрушении символического капитала общих ценностей в результате рутинной агрессии в медийной и цифровой среде [11, с. 80]. Зарубежные исследования также подтверждают, что язык вражды в цифровых медиа способствует углублению социального разделения: в частности, Ч. Кентмен-Син показывает, как негативные аффективные маркеры в комментариях пользователей социальных сетей становятся индикатором напряженности и поляризации в обществах с разной культурной идентичностью [15, с. 14].

Одно из направлений, формирующее особый теоретический блок, связано с нормативно-правовым осмыслением языка вражды. Здесь речь идет о сопоставлении существующих правовых подходов – как в национальной юрисдикции, так и в международной практике. Так, Е.А. Коваль, сопоставляя подходы к рассмотрению дел в разных странах, приходит к выводу, что выбор модели противодействия языку вражды напрямую зависит от того, что имеет приоритет в локальной системе ценностей [5, с. 21]. В.В. Коряковцев, К.В. Питулько и А.А. Сергеева, проводя детальный анализ юридических оснований борьбы с hate speech, подчеркивают отсутствие в российском праве четкого понятия языка вражды как такового, что порождает неопределенность как в законодательной, так и в судебной практике [6, с. 113]. В международной правовой литературе значительный вклад в анализ hate speech внесла своей монографией Н. Алкивиаду, где рассматривается практика ЕСПЧ по делам о ненавистнической риторике и проблемы баланса между свободой выражения и ограничениями для ее защиты [13]. При этом следует отметить, что систематических научных работ, посвященных именно нормативно-правовому регулированию языка вражды в России, крайне мало, и данный аспект остается слабо разработанным в отечественной политической науке. В этой связи предложенное исследование стремится частично закрыть указанный дефицит.

Другим значимым направлением является аксиологический подход, в котором язык вражды анализируется как угроза ценностному порядку, заявленному на уровне государственной идеологии и публичной политики. Отдельные исследования указывают на противоречие между официальной риторикой, ориентированной на сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей, и практиками публичного общения, насыщенными враждебной риторикой [2, с. 558]. В частности, в коллективной монографии «От языка вражды к ненасильственной коммуникации» авторы фиксируют необходимость включения принципов уважения и диалога в нормативные и институциональные рамки государственной политики, особенно в условиях аксиологической фрагментации общества [4, с. 62].

В последние пять лет интенсивно развивается исследовательская перспектива, в которой язык вражды рассматривается в контексте миграционной проблематики. Так, в коллективной монографии «Социальные процессы онлайн-ненависти», изданной в США, на большом

массиве цифровых данных показано, как негативная риторика в отношении мигрантов коррелирует с политическим климатом и практиками институциональной стигматизации [16, с. 46]. Российские авторы М.А. Самкова и С.Л. Кушнерук, анализируя медийные фреймы трудовой миграции, выявляют преобладание негативной репрезентации мигрантов через фреймы угрозы, криминализации и культурной несовместимости [8, с. 188]. Р. Гулов, основываясь на исследовании более 1400 заголовков российских онлайн-СМИ за 2022–2023 гг., показывает, что медиариторика о мигрантах стала заметно жестче, с акцентом на криминализацию, угрозу национальной безопасности и отчуждение по принципу «свой–чужие», что в совокупности усиливает ксенофобные настроения в обществе¹. А.А. Сычев, Е.А. Коваль и Н.В. Жадунова, опираясь на региональные данные по Республике Мордовия, приходят к выводу, что ключевой трудностью в анализе языка вражды в отношении мигрантов остается отсутствие единой классификации проявлений такой риторики, что затрудняет как мониторинг, так и правовое реагирование [10, с. 811]. Эти исследования подтверждают, что язык вражды в отношении мигрантов стал устойчивым элементом медийной среды, оказывающим влияние как на общественные установки, так и на формирование государственной миграционной политики.

Методы

Методологической основой исследования выступает нормативно-институциональный подход, предполагающий анализ правовых норм как инструментов институционального регулирования политических процессов и одновременно как носителей закрепленных ценностных ориентиров. Данный подход позволяет рассматривать язык вражды не только как правовую категорию, но и как элемент функционирования государственной политики в сфере ценностной консолидации общества.

Реализация указанной теоретической рамки осуществлена посредством метода политико-правового анализа. Этот метод сочетает правовую и политическую компоненты и основан на содержательном контент-анализе нормативных правовых актов как документальной базы исследования политических институтов.

Правовая компонента заключалась в анализе Конституции Российской Федерации, федеральных законов («О противодействии экстремистской деятельности», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О средствах массовой информации»), а также норм КоАП и УК РФ. Единицей анализа выступала правовая норма, регулирующая пределы свободы слова и основания привлечения к ответственности за возбуждение ненависти или вражды. Анализ проводился по критериям определенности формулировок, наличия дефиниций, соотношения с конституционными гарантиями и потенциальных рисков расширительного толкования.

Политическая компонента метода была направлена на выявление политической направленности и последствий нормативного регулирования. В частности, анализировалось, каким образом существующие правовые конструкции соотносятся с целями государственной политики по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей и какие институциональные эффекты возникают в результате функционирования языка вражды в публичном дискурсе.

В качестве дополняющих методов использованы дискурс-анализ и качественный контент-анализ эмпирических кейсов. Единицами анализа выступали публичные высказывания, заголовки и заявления, содержащие признаки негативной стереотипизации или языковой агрессии в отношении мигрантов. Отбор материала осуществлялся в 2022–2025 гг., с акцентом на наиболее резонансные кейсы, обсуждаемые в публичном пространстве. В частности, анализировалась взаимосвязь между официальной риторикой о сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей (на примере Указа Президента) и

¹ Гулов Р. Миграция глазами русскоязычных медиа: ужесточение негативной риторики про «чужих». [Электронный ресурс]. URL: <https://cabar.asia/ru/migratsiya-glazami-russkoyazychnyh-media-uzhestochenie-negativnoj-ritoriki-pro-chuzhih?pdf=67893> (дата обращения: 12.01.2026).

практиками допустимого публичного высказывания в адрес мигрантов. Дискурс-анализ позволил обнаружить противоречия между нормативными установками и легитимацией агрессивной риторики в публичном поле. Качественный контент-анализ помог выявить риторические конструкции, типичные для hate speech в российском медиаполе, а также зафиксировать устойчивые тематические фреймы (угроза безопасности, культурная несовместимость, девиантность).

Комплексное применение указанных процедур позволило исследовать язык вражды как институционально регулируемый феномен и одновременно как фактор трансформации публичного ценностного пространства.

Результаты анализа

Российское законодательство формирует сложную иерархию регулирования свободы слова, одновременно закрепляя ее как конституционное право и ограничивая в случаях, связанных с разжиганием ненависти. Однако анализ правовых норм показывает, что при всех достоинствах они обладают рядом существенных недостатков, которые позволяют языку вражды оставаться активным элементом политического и медийного дискурса.

Конституция Российской Федерации (ст. 29)² закрепляет свободу мысли и слова, а также право на поиск и распространение информации. При этом в ней прямо запрещается пропаганда и агитация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть. Сильной стороной этой нормы является ее универсальный характер, однако слабость заключается в отсутствии четкого определения понятия «язык вражды». Это создает правовую неопределенность и допускает избирательное толкование.

На уровне федеральных законов борьба с языком вражды инкорпорируется в более общее понятие экстремистской деятельности. *Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»* (ст. 1)³ вводит категорию экстремизма, под которую подпадают и формы речевой агрессии. Его достоинство в том, что он учитывает широкий спектр опасных практик, включая пропаганду превосходства или неполноценности человека по социальным, расовым, национальным или религиозным признакам. Однако здесь наблюдается чрезмерно широкая трактовка: язык вражды фактически приравнен к экстремизму. Это стирает границу между действительно опасными формами подстрекательства к насилию и допустимой политической критикой. *Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»* (ст. 3)⁴ закрепляет принцип свободы поиска и распространения информации, а также допускает ограничения исключительно федеральными законами. Формально это усиливает гарантии свободы слова, но одновременно позволяет блокировать ресурсы с «запрещенной информацией» без ясных критериев, что усиливает зависимость правоприменения от политического контекста. *Закон РФ «О средствах массовой информации»*⁵ (ст. 4) конкретизирует конституционный запрет, прямо запрещая использовать СМИ для разжигания национальной, расовой или религиозной розни. Однако в законе не указаны четкие критерии, что именно квалифицируется как язык вражды. Такая нормативная неопределенность может затруднять единообразное применение

² Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, от 14.03.2020 №1-ФКЗ, от 04.10.2022 N 5-ФКЗ, от 04.10.2022 N 6-ФКЗ, от 04.10.2022 N 7-ФКЗ, от 04.10.2022 N 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 06.10.2022, N 0001202210060013.

³ Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, №30, ст. 3031.

⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, №31 (часть I), ст. 3448.

⁵ Закон РФ от 27.12.91 N 2124-I «О средствах массовой информации» (ред. от 31.07.2025) // Российская газета, 08.02.1992, №32.

закона и приводить к различиям в правовой оценке риторических практик, когда в одних случаях применяются предусмотренные меры ответственности⁶, а в других – нет⁷.

Непосредственно ответственность за выражение ненависти предусмотрена как в Кодексе об административных правонарушениях, так и в Уголовном кодексе РФ. *КоАП РФ*⁸ (ст. 20.3.1) предусматривает административную ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды и унижение достоинства, когда деяние не образует уголовный состав. Санкции варьируют от штрафа до административного ареста для граждан, и существенных штрафов для юрлиц. Статья введена в 2018 году и служит «порогом» перед уголовным преследованием. *Уголовный кодекс РФ*⁹ (ст. 280 и 282) устанавливает ответственность за экстремистские призывы и действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды. Эти нормы служат важным инструментом защиты общества, однако их формулировки слишком общие. На практике это может приводить к тому, что любая резкая критика власти или отдельных социальных групп может быть квалифицирована как «разжигание ненависти».

Язык вражды выступает не только как объект правового регулирования, но и как препятствие реализации стратегических задач государства в сфере ценностной консолидации общества. В 2022 г. Президент России подписал *Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»*¹⁰, в котором были сформулированы базовые ориентиры государственной культурной, информационной и образовательной политики. В перечень таких ценностей включены, в частности, человеческое достоинство, взаимоуважение, традиции милосердия, высокие нравственные идеалы и межэтническое согласие. Однако использование языка вражды в публичном пространстве – особенно в медийном и политическом дискурсе – может вступать в прямое противоречие с провозглашенными ориентирами, подрывая их символический авторитет.

Наиболее показательной в этом отношении является риторика в отношении мигрантов: именно эта тема в последние годы насыщена агрессивными высказываниями, тиражируемыми как отдельными медиа, так и политиками, в том числе представителями законодательной власти и лидерами общественного мнения. Образное представление мигрантов нередко строится на враждебных стереотипах, как источников криминогенных угроз, носителей «чуждых» традиций, угрозы национальной идентичности¹¹. Как справедливо отмечают

⁶ Генпрокуратура потребовала заблокировать доступ к «Дождю» и «Эху Москвы» (признаны иноагентами) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/03/2022/621e59ae9a7947218a12e3ae> (дата обращения: 27.12.2025); Роскомнадзор обвинил «Эхо Москвы» в экстремизме [Электронный ресурс]. URL: https://www.sostav.ru/publication/roskomnadzor-obvinil-ekho-moskvy-v-ekstremizme-13056.html?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 27.12.2025).

⁷ Мигрантская угроза: Россия в опасности [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240710/rossiya-1958570014.html> (дата обращения: 12.01.2026); Роспотребнадзор предупредил о новой угрозе от мигрантов: паразиты наступают [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tvc.ru/news/337767> (дата обращения: 27.02.2026); Педофил-мигрант растлевал 10-летнего мальчика во время ремонта в квартире [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/incident/2025/10/27/pedofilmigrant-rastleval-10letnego-malchika-vo-vremya-remonta-v-kvartire.html> (дата обращения: 12.01.2026).

⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 09.11.2022, N 0001202211090019.

¹¹ Мигрантская угроза: Россия в опасности [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240710/rossiya-1958570014.html> (дата обращения: 2.02.2026); Патрушев: нелегальная миграция формирует предпосылки для распада страны [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6666145> (дата обращения: 2.02.2026); Патриарх заявил, что миграция в России «носителей иных обычаев» несет угрозу традициям [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16669837> (дата обращения: 2.02.2026).

Е.М. Феклина и Н.В. Шеляхина, язык вражды на межэтническом уровне формирует образ врага через восприятие чуждости, провоцируя конфликты и подрывая социальную сплоченность [11, с. 81]. Этот вывод подтверждается и зарубежными данными: так, результаты геопространственного анализа антииммигрантских сообщений в европейских социальных сетях показали, что наиболее враждебная риторика не всегда коррелирует с уровнем миграции, но тесно связана с политической поляризацией и активным вовлечением правых партий в антимиграционную риторику [14, с. 11]. Такой дискурс напрямую противоречит провозглашенным государством духовно-нравственным ценностям – уважению, милосердию, справедливости. Подобные практики не только стигматизируют уязвимые группы, но и снижают эффективность государственной политики, направленной на ценностное единство общества.

Примечательно, что риторика языка вражды затрагивает не только уязвимые группы, но и самих представителей государственной власти, если их публичные позиции не соответствуют текущей идеологической повестке. Так, в 2024–2026 гг. развернулась публичная кампания оскорблений в адрес депутата Госдумы К.Ф. Затулина, занимающего пост специального представителя Госдумы по вопросам миграции и гражданства. Депутат Михаил Матвеев (КПРФ) систематически обвиняет Затулина в «мигрантской лоббистской» деятельности, прибегая к уничижительным формулировкам и словесным конструкциям, которые содержат признаки дискриминирующей и ксенофобной риторики¹². Эти выражения несут в себе ярко выраженную аксиологическую оппозицию, где защита мигрантов интерпретируется как предательство национальных интересов, а сам адресат – как «внутренний враг». Подобная риторика фактически переносит язык вражды с этнических меньшинств на политических акторов, поддерживающих ценности уважения, интеграции и правового подхода к миграции.

Таким образом, миграционная тематика демонстрирует двойственную функцию языка вражды в российской правовой и политической модели: с одной стороны, декларируется защита нравственных основ и культурной идентичности, с другой – допускается использование ксенофобной риторики как технологии политической мобилизации. Это противоречие требует переосмысления существующих нормативных рамок и согласования государственной ценностной политики с принципами недопустимости дискриминации и агрессивного общественного дискурса.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о том, что действующая модель нормативно-правового регулирования языка вражды не обеспечивает согласованности между декларируемыми ценностными ориентирами государственной политики и фактической практикой публичного дискурса. Несмотря на наличие правовых норм, запрещающих возбуждение ненависти, российское законодательство по-прежнему не содержит четкого определения понятия «язык вражды», что ведет к неопределенности правоприменительной практики, рискам избирательного подхода и использованию обвинений в разжигании вражды как инструмента политической борьбы.

Особое внимание в исследовании уделено тематике миграции, где агрессивная риторика становится не исключением, а устойчивым механизмом политической мобилизации. Примеры публичных высказываний против мигрантов и даже в адрес тех, кто защищает их права, демонстрируют разрыв между провозглашенными духовно-нравственными ценностями и действительным содержанием публичного дискурса. Это противоречие снижает символическую эффективность Указа Президента № 809, ориентированного на консолидацию общества на основе ценностей уважения, справедливости и солидарности.

¹² Депутат Госдумы подал жалобу на коллегу из-за прозвища. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6989f67e9a79476539d24cf4> (дата обращения: 09.02.2026).

С теоретической точки зрения исследование подтверждает необходимость интерпретации языка вражды как феномена, имеющего не только социокультурные, но и институциональные основания. Практическая значимость результатов заключается в выявлении нормативных пробелов, требующих доработки с учетом баланса между свободой слова и защитой от дискриминации.

Дискуссионным остается вопрос о границах допустимого публичного высказывания и соразмерности ответственности за риторику, содержащую элементы социальной или этнической вражды. Отсутствие единых правовых критериев усиливает необходимость разработки нормативных дефиниций hate speech и процедур оценки таких высказываний.

Перспективным направлением дальнейших исследований видится комплексное изучение соотношения между правовыми нормами и реальной речевой практикой в политическом и медиадискурсе, особенно в темах, затрагивающих уязвимые социальные группы. Также представляет интерес анализ опыта региональных правоприменительных практик и участие гражданского общества в мониторинге языка вражды в публичной сфере.

Литература

1. Верховский А.М., Струкова Е.Н. Партийное строительство на крайнем правом фланге российского политического спектра // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 4. – С. 131–151. DOI: 10.17976/jpps/2014.04.09.
2. Галяшина Е.И., Никишин В.Д. «Язык вражды как угроза информационной безопасности интернет-коммуникации» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Том 12. – № 3. – С. 555–573. DOI: 10.21638/spbu14.2021.305.
3. Дзялошинский И.М. Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы. – М.: Гуманитарный институт, 2006. – 31 с.
4. Исманов А., Купуева Н., Станалиева Г., Токтогулова М., Турдубаева Э. От языка вражды к ненасильственной коммуникации. – Бишкек, 2023. – 120 с.
5. Коваль Е.А. Практика Европейского суда по правам человека по противодействию языку вражды в условиях глокализации // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2020. – № 1 (8). – С. 13–25.
6. Коряковцев В.В., Питулько К.В., Сергеева А.А. Преступления на почве ненависти, феномен hate speech, практика европейского суда по правам человека и российский подход к определению экстремистской деятельности // Правоприменение. – 2020. – Т. 4. – № 1. – С. 106–122. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(1).106-122.
7. Кручинская Е.В. Анализ аффективной поляризации в российском онлайн-пространстве в условиях политической мобилизации: подход машинного обучения // Информационное общество. – 2023. – № 3. – С. 97–107. DOI: 10.52605/16059921_2023_03_97.
8. Самкова М.А., Кушнерук С.Л. Актуализация фреймов в конфликтогенных текстах телеграм-постов о трудовой миграции // Дискурс-Пи. – 2025. – Т. 22. – № 4. – С. 175–192. DOI: 10.17506/18179568_2025_22_4_175
9. Стародубцев А.С. Социальные медиа в российско-украинском конфликте в 2022–2025 гг. // Журнал политических исследований. – 2025. – Т. 9. – № 4. – С. 70–86. DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-4-70-86.
10. Сычев А.А., Коваль Е.А., Жадунова Н.В. Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере Республики Мордовия) // Регионология. – Т. 26. – № 4. – 2018. – С. 798–815. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.798-815.
11. Феклина Е.М., Шеляхина Н.В. «Язык вражды» как фактор возникновения социального конфликта // Вестник Поволжского института управления. – 2024. – Т. 24. – № 1. – С. 78–86. DOI: 10.22394/1682-2358-2024-1-78-86.
12. Язык вражды против общества: (сб. статей) / сост.: А. Верховский. – М., 2007. – 259 с.
13. Alkiviadou N. Hate Speech and the European Court of Human Rights. – NY: Routledge, 2025. – 288 p.

14. Arcila-Calderón C., Sánchez-Holgado P., Quintana-Moreno C., Amores J.-J., Blanco-Herrero D. Discurso de odio y aceptación social hacia migrantes en Europa: Análisis de tuits con geolocalización // *Comunicar*, 71 – 2022. – № 2. DOI: 10.3916/C71-2022-02.
15. Kentmen-Cin C. Hate Speech on Social Media: A Systemic Narrative Review of Political Science Contributions // *Social Sciences*. – 2025. – № 14, 610. – P. 1–29. DOI: 10.3390/socsci14100610.
16. Walther J.B., Rice R.E. Social processes of online hate. – NY: Routledge, 2025. – 336 p. DOI: 10.4324/9781003472148.

References

1. Verkhovskiy A.M., Strukova E.N. Partiynoye stroitel'stvo na kraynem pravom flange rossiyskogo politicheskogo spektra [Political party construction on the ultra-right wing of Russian political spectrum]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies]. 2014, I. 4, pp. 131–151. DOI: 10.17976/jpps/2014.04.09 (In Russian).
2. Galyashina YE.I., Nikishin V.D. Yazyk vrazhdy kak ugroza informatsionnoy bezopasnosti internet-kommunikatsii [Hate speech as a threat to the information security of Internet communication]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg University. Right]. 2021, V. 12, I. 3, pp. 555–573. DOI: 10.21638/spbu14.2021.305 (In Russian).
3. Dzyaloshinskiy I.M. Yazyk vrazhdy v rossiyskikh SMI: sotsial'n·yye, kul'turn·yye, professional'n·yye faktory [Hate speech in the Russian media: social, cultural, professional factors: An educational and methodological guide]. M.: Gumanitarnyy institut Publ., 2006, 31 p. (In Russian).
4. Ismanov A., Kupuyeva N., Stanaliyeva G., Toktogulova M., Turdubayeva E. Ot yazyka vrazhdy k nenasil'stvennoy kommunikatsii: monografiya [From hate speech to nonviolent communication]. Bishkek, 2023, 120 p. (In Russian).
5. Koval' YE.A. Praktika Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka po protivodeystviyu yazyku vrazhdy v usloviyakh globalizatsii [The practice of the European Court of Human Rights on countering hate speech in the context of globalization]. *Gumanitarn·yye i politiko-pravov·yye issledovaniya* [Humanitarian and political-legal studies]. 2020, I. 1 (8), pp. 13–25. (In Russian).
6. Koryakovtseva V.V., Pitul'ko K.V., Sergeyeva A.A. Prestupleniya na pochve nenavisti, fenomen hate speech, praktika yevropeyskogo suda po pravam cheloveka i rossiyskiy podkhod k opredeleniyu ekstremistskoy deyatelnosti [Hate crimes, the hate speech phenomenon, the practice of the European Court of Human Rights, and the Russian approach to defining extremist activity]. *Pravoprimeneniye* [Law enforcement]. 2020, V. 4, I. 1, pp. 106–122. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(1).106–122 (In Russian).
7. Kruchinskaya YE.V. Analiz affektivnoy polarizatsii v rossiyskom onlayn-prostranstve v usloviyakh politicheskoy mobilizatsii: podkhod mashinnogo obucheniya [Analysis of affective polarization in the Russian online space in the context of political mobilization: a machine learning approach]. *Informatsionnoye obshchestvo* [Information Society]. 2023, I. 3, pp. 97–107. DOI: 10.52605/16059921_2023_03_97 (In Russian).
8. Samkova M.A., Kushneruk S.L. Aktualizatsiya freymov v konfliktogennykh tekstakh telegram-postov o trudovoy migratsii [Updating frames in conflict-prone texts of telegram posts about labor migration]. *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi]. 2025, V. 22, I. 4, pp. 175–192. DOI: 10.17506/18179568_2025_22_4_175 (In Russian).
9. Starodubtsev A.S. Sotsial'n·yye media v rossiysko-ukrainskom konflikte v 2022–2025 gg. [Social Media in the Russian-Ukrainian Conflict in 2022-2025]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Studies]. 2025, V. 9, I. 4, pp. 70–86. DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-4-70-86 (In Russian).
10. Sychev A.A., Koval' YE.A., Zhadunova N.V. Problema klassifikatsii yazyka vrazhdy v otnoshenii migrantov (na primere Respubliki Mordoviya) [The problem of classifying hate speech against migrants (on the example of the Republic of Mordovia)]. *Regionologiya* [Regionology]. 2018, V. 26, I. 4, pp. 798–815. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.798-815 (In Russian).

11. Feklina YE.M., Shelyakhina N.V. «Yazyk vrazhdy» kak faktor vozniknoveniya sotsial'nogo konflikta ["Hate speech" as a factor of social conflict]. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya [Bulletin of the Volga Institute of Management]. 2024, V. 24, I. 1, pp. 78–86. DOI: 10.22394/1682-2358-2024-1-78-86 (In Russian).
12. Yazyk vrazhdy protiv obshchestva: sb. statey. [The language of hostility against society: collection of articles]. sost.: A. Verkhovskiy. M., 2007, 259 p. (In Russian).
13. Alkiviadou N. Hate Speech and the European Court of Human Rights. NY: Routledge Publ., 2025, 288 p. (In English).
14. Arcila-Calderón C., Sánchez-Holgado P., Quintana-Moreno C., Amores J.-J., Blanco-Herrero D. Discurso de odio y aceptación social hacia migrantes en Europa: Análisis de tuits con geolocalización, Comunicar. 2022, V. 71, I. 2. DOI: 10.3916/C71-2022-02 (in Spanish).
15. Kentmen-Cin C. Hate Speech on Social Media: A Systemic Narrative Review of Political Science Contributions, Social Sciences, 2025, V. 14, I. 610, pp. 1–29. DOI: 10.3390/socsci14100610 (In English).
16. Walther J.B., Rice R.E. Social processes of online hate. NY: Routledge Publ., 2025, 336 p. DOI: 10.4324/9781003472148 (In English).